

Плохое настроение Торгиль последовало за ними обратно в дом. Она с хмурым видом приняла мамину еду и принялась набивать ее в себя. "В этой деревне принято говорить спасибо за еду", - сказала мама. Джек мысленно вздохнул. Это была битва, которая никогда не заканчивалась, в попытках привить воительнице элементарную вежливость.

"Почему?" - спросила Торгиль

"Это показывает благодарность."

"Я благодарна. Я ем это пойло, не так ли? Кроме того, для вас имеет смысл делать мне комплимент за то, что я срезала папоротник? Если бы все начали благодарить друг друга за самую незначительную работу по дому, мы бы никогда ничего не сделали".

"Дело не в этом", - терпеливо сказала мама. "Люди хотят слышать добрые слова. Это все равно что сказать "Доброе утро" или "Как дела?""

"Что, если это отвратительное утро или мне наплевать на то, что кто-то чувствует?"

"О, будь по-твоему!" - воскликнула мама. "Иногда мне хочется, чтобы корабль северян налетел и забрал тебя отсюда!" Она поспешила наружу, и Джек поднял брови. Это было так непохоже на мать - выходить из себя. Но с другой стороны, Торгиль была способна заставить даже кроткого брата Эйдена испачкать свою рукопись, когда она была в ярости.

Джек слышал, как мама и Пега обсуждали, как защитить домашний скот от надвигающейся бури. Коровам и лошадям пришлось бы тесниться в сарае. Более агрессивным овцам пришлось бы самим заботиться о себе снаружи.

"Даже Олаф Однобровый желал людям доброго утра", - заметил Джек, упомянув покойного приемного отца Торгиль.

"Только если это было доброе утро. Он никогда не лгал." Торгиль прикрыла глаза рукой.

"Ты плачешь?"

"Конечно, нет. Это мерзкий дым в этой мерзкой лачуге". Дева-воительница продолжала прикрывать глаза.

"Хочешь кусочек моего хлеба?"

"Зачем мне твои объедки, кишачие долгоносиками?" - сказала Торгиль, хотя по тому, как она ела, было ясно, что она проголодалась.

"Нет смысла пытаться проявить сочувствие", - подумал Джек. Она смотрела на это только как на слабость. Ее настроение нарастало подобно летним штормам, метавшим молнии во все стороны, но если вы были терпеливы — и закрывали уши от ее оскорблений, — тучи в конце концов рассеивались. Он не был уверен, что ему больше нравится, мрачность Торгиль или ее периодические приступы радости. Иногда ее охватывал какой-то дикий восторг, в котором цвета, запахи и звуки переполняли ее экстазом. Затем она хватала его за руку и заставляла обратить внимание на это, что бы это ни было.

Бард сказал, что это произошло потому, что Торгиль была воспитана как берсерк, преданный смерти. Теперь она находилась под контролем жизненной силы из-за руны защиты, которую она носила. Вполне естественно, что эти два инстинкта находились в состоянии войны.

Пега подошла к двери с курицей в корзинке, и сердце Джека воспарило. Пега никогда не заставляла тебя чувствовать себя испорченным. Она была бесконечно вдумчивой, всегда искала способы сделать людей счастливыми. Она помогала матери готовить, пропалывала травяной сад Барда и присматривала за братом Эйдемом, следя за тем, чтобы он регулярно ел. Она родилась рабыней и была трогательно благодарна за любой прием где бы то ни было. Джек подумал, что она выглядит почти хорошенькой, несмотря на уродливое родимое пятно через половину лица. Бард сказал, что это был ее дух, сияющий насквозь, точно так же, как кипящая злоба Торгиль испортила то, что могло бы быть настоящей красотой.

“Нам придется держать цыплят здесь”, - объявила Пега, ставя корзину у стены. “Вы бы видели небо на юге! Это странно и темно, и я не могу разглядеть никаких облаков”.

“Тебе нужна помощь?” - с надеждой спросил Джек.

“Мне нужно, чтобы ты отнесла еду работникам на полях”, - сказала мама, распахивая дверь и внося еще одну курицу. “Судя по этому небу, у нас не будет времени срезать больше папоротника. Вы можете перепроверить ульи на обратном пути.”

Она не улыбнулась, и Джек почувствовал себя несправедливо причастным к позору Торгиль. Это была не его вина, что он не смог удержать воительницу в узде. Даже Олаф Однобровый обычно подвешивал ее над обрывом, чтобы привлечь ее внимание, когда она капризничала. К сожалению, Олаф с такой же вероятностью вознаграждал бы ее за отвратительное поведение. Северяне восхищались такими вещами.

Джек и Торгиль нагрузили осла корзинами с хлебом и сидром. Большинство жителей деревни заготавливали сено так быстро, как только было возможно. Некоторые, как мать и жена вождя, поставляли еду, чтобы поддерживать их в тонусе. Небо снаружи действительно заметно изменилось всего за несколько минут. На севере оно было голубым, но когда вы поворачивались к югу, становилось темно-синим. И все же, как сказала Пега, вы не могли разглядеть никаких облаков.

“Что это за странный запах?” - спросила Торгиль.

“Я не уверен”, - сказал Джек. “Это немного похоже на сушку одежды на солнце”.

“Это... мило. Мне хочется бегать или петь. Может быть, этот шторм все-таки будет веселым.” Часть мрачности исчезла с лица Торгиль. Джек подумал, что для нее было типично радоваться чему-то, что беспокоило всех остальных.

“Я никогда не видел такого неба”, - сказал он.

“Я видела, - сказала воительница, - когда я была очень маленькой. Мама отнесла меня в погреб, где хранились овощи. Она пыталась защитить меня, и я помню, как она лежала на мне сверху. Я слышал вой собак, или, возможно, это был ветер—”

“Нам лучше заняться своими делами”, - сказал Джек, чтобы сменить тему. Мать Торгиль была рабыней, принесенной в жертву на погребальном костре ее настоящего отца. Все воспоминания Торгиль о той части ее жизни были злыми. Когда ее удавалось убедить вообще говорить о них, они еще глубже вгоняли ее в отчаяние.

Они спешили с фермы на ферму, доставляя еду людям на полях и в амбарах. Полы в амбарах были выложены шифером, поверх которого был расстелен слой папоротника. Папоротник не только защищал сено сверху от поднимающейся сырости, но и попадал в пасть крысам и препятствовал их вторжению. Домашний скот зависел от этого корма на зиму. Если бы он был испорчен дождем, он бы сгнил, и животные умерли бы с голоду. Свежескошенное сено придавало воздуху насыщенный запах.

На каждом поле Джек видел людей, сгибающихся, режущих и связывающих. Когда это было возможно, рабочие использовали для транспортировки тележку кузнеца. Но скорость была важна, и по большей части им приходилось самим таскать сено. Те, у кого не было амбаров, защищали свои стога перевернутыми конусами соломы, чем-то похожими на гигантские шляпы, и надеялись на лучшее.

Несколько месяцев назад Джек пытался запрячь пони Торгиль в повозку, но они сопротивлялись упряжи и были совершенно неуправляемы. Это была еще одна несправедливо предъявленная ему вина. Джек ничего не знал об обращении с лошадьми. Именно Торгиль пользовалась их доверием, но она отказалась обучать их работе на ферме. Она настаивала, что они были воинами, а не рабами.

Торгиль. Джек видел, как жители деревни осторожно принимали от нее еду и отворачивались, чтобы осенить себя крестным знаменем.

Они оставили осла в последнем сарае и пошли дальше, чтобы проверить ульи. “Нам лучше поторопиться”, - сказал Джек, глядя на темнеющее южное небо. Были ли там облака? Что-то определенно кишело вдалеке, и все же воздух был неподвижен и мертв. Листья на деревьях свисали прямо вниз.

Даже пчелы знали, что что-то не так. Они перестали носиться туда-сюда в поисках нектара, и пчелы-воины у входов танцевали вокруг, как будто искали скрытого врага. Гнезда были защищены перевернутыми корзинами, чем-то похожими на шляпы над открытыми стогами сена. Пчелам было бы гораздо безопаснее находиться в помещении, но движущиеся ульи ужасно сбивали их с толку. Им придется выживать там, где они находятся.

В начале года отец соорудил вокруг них каменный барьер, чтобы овцы не паслись слишком близко, и теперь Джек был рад этой дополнительной защите. “Они ведут себя так, как будто сейчас ночь”, - сказал он, удивляясь. “Они почти все ушли внутрь. Послушай этот гул!”

“Знаешь, я почти могу это понять”, - сказала Торгиль, прижимая ухо к одной из перевернутых корзин. “Это похоже на птичий крик. Разве это не странно?”

“Пчелы - это создания воздуха. Что они говорят?”

“Они напуганы. Они чувствуют, что смерть близка — ой!” Торгиль шлепнула себя по уху и отскочила в сторону.

“Отойди назад. Когда один жалит, остальные присоединяются, - посоветовал Джек.

Но пчелы оставались скопившимися в ульях. Джек и Торгиль присели на корточки на некотором расстоянии, чтобы понаблюдать за ними. Какой бы враг ни был обнаружен насекомыми, он был слишком опасен для них, чтобы противостоять ему.

“Смотри!” - закричал Джек, не веря своим ушам. Южное небо было заполнено высокими облаками. Темная дымка превратилась в клочья тумана, летящие к ним с такой скоростью, что Джек инстинктивно бросился на землю, увлекая Торгиль за собой. Секундой позже разразился шторм.

Из абсолютной тишины воздух внезапно превратился в ураган, который заставил их заскользить по земле. Один из ульев потерял свой конус и упал на каменную ограду. Ветер выл так громко, что Джек не мог заставить себя быть услышанным. Он полз по грязи, а Торгиль была рядом с ним, пробираясь к овчарне, которая, как он знал, находилась в дальнем конце поля.

Он не мог этого видеть, пока вспышка молнии не окрасила все в белый цвет и раскат грома не потряс землю. “Клянусь Тором!” - произнесли губы Торгиль, блестящие на свету. Они яростно ползли, замирая каждый раз, когда одна из стрел падала с облаков. Дождя пока не было. Они добрались до коровника и втиснулись в него с тремя овцами, которым пришла в голову та же идея. Ветер пронизывал верхушку защитного каменного кольца, но внизу, в клубке потной шерсти, Джек чувствовал себя почти в безопасности.

“Клянусь Тором!” - снова крикнула Торгиль, указывая.

Джек поднял глаза и увидел висящий конус облака, не похожий ни на что, с чем он когда-либо сталкивался. Оно ревело, как тысяча разъяренных пчел, и по его коже поползли мурашки, как будто по ней роились муравьи. Устье конуса распахнулось, и он увидел нити молний, извивающиеся внутри, с ветвями деревьев и тем, что могло быть частью дома. Потом это исчезло.

Овцы закричали и теснее прижались друг к другу. Джек нырнул вместе с ними, но Торгиль внезапно попыталась вылезти из хлева. Ветер отбросил ее назад. Она снова подтянулась и воздела руки к небу. Ее голос был не громче стрекота сверчка на фоне воя бури, но Джек смог разобрать только слова: “Возьми меня с собой!”

“Ложись!” - крикнул он, хватая ее за ноги.

“нет! Нет! - запротестовала она. Он потащил ее вниз. Она сопротивлялась, ударив его кулаком в живот. Он рухнул, пытаясь восстановить дыхание, и она снова с трудом поднялась. “Возьми меня с собой!” - закричала она. Потом начался дождь, дождь лил как из ведра и заполнял коровник, так что овцам приходилось бороться за воздух. Они били Джека копытами, а одна даже встала на него сверху. Ветер сбил ее с него, и он услышал ее испуганное блеяние, когда ее унесло прочь.

Джек не был уверен, как долго лил дождь. Казалось, это длилось несколько часов. Температура быстро упала, и в течение короткого периода градины отскакивали от его головы, большие градины, которые причиняли боль и заставляли овец мычать. Когда это закончилось, дождь начался снова. В течение всего этого времени вспыхивали молнии, и гром раскатывался по всему горизонту.

Но в конце концов небеса успокоились. Вспышки стали редкими, и гром загрохотал далеко на севере. Южное небо стало бледно-голубым.

Джек осторожно встал и увидел вокруг себя картину полного разрушения. Каждый куст был вырван. Ветки из далекого леса были разбросаны по земле, а неподалеку лежала мертвая овца, которая стояла на Джеке.

Торгиль тоже распростерлась в грязи. Он даже не знал, что она покинула коровник! "О, Торгиль!" - закричал Джек, вырываясь из ограда и бросаясь к ней. Он поднял ее к себе на колени. "О, моя дорогая! Любовь моя!"

Ее глаза были широко открыты и пристально смотрели. Но они не были застеклены в смерти. Джек испытал такое облегчение, что обнял ее, а потом забеспокоился, не сломала ли она ребро. "Он не взял меня", - сказала она слабым голосом.

"Кто бы тебя не взял?" - сказал Джек, думая, что она бредит.

"Он увидел мою бесполезную руку и понял, что я больше не воин. Один не захотел брать меня из-за этого. О, Фрейя, я хотела бы умереть!" Торгиль заплакала, что встревожило Джека даже больше, чем если бы она начала ругаться.

"Тебе больно внутри?" - с тревогой спросил он.

"Ничего такого, чего не исправила бы смерть", - сказала она с оттенком своего прежнего духа. "Даже тогда я никогда больше его не увижу".

"Кто? О чем ты говоришь?" На юге пробивалось солнце, и облака над головой стали белыми, с голубыми вкраплениями между ними.

"Олаф Однобровый", - сказала воительница, глубоко вздыхая. "Он витал в облаках, но ему пришлось оставить меня позади".

<http://tl.rulate.ru/book/81483/2516171>